

Вдалеке раздался зов, заставивший Ли Сяня обернуться. На другом конце пляжа он увидел Ли Синьтяня, стремительно бегущего к нему, а позади, тяжело дыша, ковылял Чэн Линся.

Ли Сянь удивленно распахнул глаза. Не успел он и слова вымолвить, как Ли Синьтянь набросился на него, словно огромный пес, встретивший хозяина после долгой разлуки. Под напором его прыжка и весом более крупного тела Ли Сянь пошатнулся и рухнул на песок. Набегающие волны омыли его длинные волосы, а сверху на лицо упали горячие капли слез.

— Нашел! Наконец-то я тебя нашел!

Ли Сянь правой рукой вытер ему слезы, но из влажных глаз хлынули новые. Даже спустя столько времени Ли Синьтянь оставался тем же ребенком, что всей душой тянулся к нему.

— Ну полно, дай мне встать. Еще только утро, я не хочу принимать ванну в морской воде.

Ли Синьтянь надул губы:

— Мы не виделись целых три года, и первое, что ты хочешь сказать при встрече — это ворчание?

В этот момент к ним, задыхаясь, подоспел Чэн Линся. Согнувшись пополам и хватая ртом воздух, он пробормотал:

— И то верно, брат Ли. Ты так бессердечен... Мы столько натерпелись, разыскивая тебя все эти годы.

— Натерпелся я, а ты был лишь помехой и обузой. Никакой пользы, только навязался следом, — тут же парировал Ли Синьтянь, при этом не делая ни малейшей попытки отпустить Ли Сяня.

Ли Сянь беспомощно улыбнулся:

— К чему такие мучения?

Покинув императорский дворец, Ли Синьтянь и Чэн Линся под покровом ночи бросились к монастырю Шаолинь. Они просидели у ворот три дня и три ночи, прежде чем им позволили встретиться с мастером Линхуэй. Увидеть-то его увидели, но старый монах лишь сложил ладони вместе и, опустив взгляд, произнес:

— Император Сянь давно покинул море страданий этого мира. Зачем же вы, господа, продолжаете его искать?

Разгневанный Ли Синьтянь не успел даже выхватить меч, чтобы припугнуть настоятеля, как боевые монахи вежливо выставили их за ворота.

Когда надежды не осталось, Чэн Линся вдруг хлопнул себя по лбу:

— Точно! А как же тот, кого называют Жо Лицзюнь? Должно быть, он сможет помочь!

Но разве легко было отыскать в бескрайнем мире отшельника Жо Лицзюня, полагаясь лишь на свои силы?

Ли Синьтянь вскинул брови. Его Меч Грома поочередно бросил вызов всем четырем великим сектам Цзянху, и везде он действовал от имени Жо Лицзюня. Возвращение левого защитника секты демонов взбудоражило весь мир. Вскоре после того, как он разгромил Секту Горы Хуа, настоящий Жо Лицзюнь сам нашел его.

— Я ведь говорил: не хочу больше видеть никого из семьи Ли.

Ли Синьтянь скривился:

— Во мне нет крови семьи Ли, так что я не в счет. Эй, сделай одолжение.

— С какой стати?

— Просто так, — ответил Ли Синьтянь с видом, будто это само собой разумеется.

Глава секты демонов и его левый защитник явились в Шаолинь, и вместе с двумя юношами они приклеились к главному залу, словно карамельные леденцы, отказываясь уходить.

Озадаченный мастер Линхуэй в конце концов открыл правду: перед тем как покинуть Город Хуалян, Ли Сянь приходил к нему и просил: если он умрет, мастер должен тайно забрать его тело в Шаолинь и спрятать в одной из келий на семь дней.

— А что потом? — спросил Ли Синьтянь.

Мастер Линхуэй покачал головой:

— Тело императора Сяня исчезло. Воскрес ли он или кто-то другой забрал его для погребения

— мне неизвестно.

Столько хлопот, а в итоге все равно неясно, жив ли он.

Следующие три года стали чередой сменяющих друг друга отчаяния и надежды. Цепляясь за тонкую нить веры, Ли Синьтянь исходил весь мир, продолжая поиски. Ученики секты демонов, рассеянные по всей Поднебесной, постоянно приносили вести. Каждый день он жил в ожидании и страхе: надежде найти живого Ли Сяня и ужасе перед тем, что придется наткнуться на его могилу.

Цветы расцветали и опадали, три зимы и три лета пролетели как одно мгновение. Пока Ли Сянь сидел на берегу, слушая шум прилива, Ли Синьтянь прошел каждый уголок Центральных равнин и, наконец, ведомый письмом от Жо Лицзюня, прибыл в этот приморский городок.

Когда Ли Синьтянь, всхлипывая, закончил свой трехлетний рассказ, Чэн Линся спросил:

— Брат Ли, как же тебе удалось обвести вокруг пальца стольких людей и инсценировать собственную смерть?

— Мо Сяоянь.

— Что это?

— Цветок такой, — Ли Синьтянь, к счастью, проявил сознательность и отстранился от Ли Сяня, которому уже нечем было дышать. Ли Сянь перевернулся и встал, ведя обоих к своему дому, и по пути пояснил: — Если настоять его цветы на воде, пульс человека на несколько часов станет то слабым, то сильным. А если проглотить листья — на семь дней впадешь в состояние мнимой смерти. Еще до ухода из Города Хуалян я понимал, что просто так мне не выбраться. Чу Илань либо убил бы меня, чтобы взойти на трон, либо заточил бы, сделав марионеткой, а я не хотел ни того, ни другого. Поэтому я взял с собой цветы и листья Мо Сяоянь, и когда Чу Илань с погоней догнал меня, я их проглотил. Во многом благодаря этому я не истек кровью после того удара мечом. Через семь дней я очнулся в Шаолине и тихо ушел.

— Но ты обманул даже меня, это слишком жестоко, — Ли Синьтянь крепко сжал его руку, словно боясь, что стоит ослабить хватку, и этот человек снова исчезнет.

— Чу Илань — твой дядя. Ради меня он будет хорошо к тебе относиться. Теперь он император, у тебя впереди блестящая карьера и славное будущее, зачем тебе искать меня, скитальца?

— Мне нет дела до богатства и славы, как и тебе. В моем сердце нет ничего важнее тебя, — серьезно ответил Ли Синьтянь.

Ли Сянь удивленно уставился на него, замер на мгновение, а потом вдруг рассмеялся:

— Ха-ха, Синьтянь, тебе ведь уже исполнилось двадцать? Как же ты до сих пор не научился отличать слова, которыми ублажают учителя, от тех, что берегают для любимых женщин? Мальчишка, ты почти всю страну обошел, неужели так и не нашел никого по душе?

— Кто сказал? Я давно нашел того, кто мне нравится, иначе зачем бы я исколесил все Центральные равнины?

— Вот как? Значит, ты скитался три года не ради учителя? Почему не сказал раньше? Я ведь даже успел почувствовать себя виноватым, — Ли Сянь пожал плечами.

Ли Синьтянь нахмурился, а шедший следом Чэн Линся тихонько прыснул. Поймав на себе гневный взгляд, он подавил усмешку, похлопал юношу по плечу и утешил:

— Не расстраивайся, у тебя впереди еще уйма времени и возможностей.

Ли Синьтянь склонил голову набок, задумался, а затем просиял, с победоносным видом улыбнувшись.

Такой мальчишка наверняка сможет подарить тебе желаемое счастье, — радостно подумал Чэн Линся, глядя в лазурное небо. — А я смогу со спокойной душой вернуться домой.

Едва они вошли в дом Ли Сяня, как маленькая черная тень прыгнула ему на руки. Ли Синьтянь и Чэн Линся вздрогнули, но тут же увидели, как Ли Сянь счастливо прижал к себе зверька.

— Не бойтесь, это мой питомец. Смотрите, разве не прелесть?

Оба остолбенели. В объятиях Ли Сяня сидела маленькая лисичка и хитро щурилась.

Чэн Линся украдкой коснулся своего походного мешка. Внутри лежало письмо от матери, полное тоски, а в конце — строгий наказ: если найдет след Ли Сяня, немедленно сообщить отчиму. Он знал, что это не воля родителей, а желание Чу Иланя, ныне облаченного в желтые одежды. Он не ответил на письмо. Даже ради просьбы родных он не желал снова предавать друга. Но глядя, как Ли Сянь с блаженной улыбкой обнимает лису, Чэн Линся впервые заколебался.

Мир суеты огромен, прошлые узы тянутся за нами, неужели ты и правда всё отпустил?

Прожив несколько дней, Чэн Линся засобирался домой. В последний вечер Ли Сянь сам приготовил роскошный ужин в честь его отъезда. Ли Синьтянь с аппетитом уплетал угощение, не переставая нахваливать:

— Вкусно, очень вкусно! Даже если есть это каждый день, не надоест.

— Тогда скорее женись на той, кто умеет готовить, — улыбнулся Ли Сянь. — Будешь наслаждаться такими блюдами всю жизнь.

— Не хочу. Я хочу есть то, что готовишь ты, и буду есть это вечно. Никакая женщина не сравнится с тобой.

Ли Сянь на миг опешил, а затем мягко улыбнулся:

— Это верно, какая обычная женщина умеет готовить блюда дворцовой кухни? Ничего, когда женишься, я всему ее научу.

Я ведь столько раз открыто признавался в чувствах, почему учитель до сих пор не понимает? — Ли Синьтянь нахмурился, и его рука с палочками замерла.

В этот момент лисичка запрыгнула Ли Сяню на колени и улеглась там. Ли Сянь протянул руку и начал медленно гладить ее мех; лиса тут же выразила полное довольство. Эта сцена вызвала у Ли Синьтяня необъяснимый гнев. Однажды он опустился на колени у стула, пытаясь повторить позу лисы и положить голову на колени Ли Сяня, но тот без колебаний оттолкнул его:

— Тяжелый, ты уже взрослый, нечего вести себя как ребенок.

Почему то, что позволено лисе, запрещено ему?

С тех пор каждый раз, видя лису, свернувшуюся клубком на коленях Ли Сяня, Ли Синьтянь чувствовал, как внутри закипает ярость. С тем остолопом Чэн Линся учитель был знаком раньше, это еще ладно. Но почему даже какая-то лиса ценится выше него?

Ли Синьтянь схватил лису за хвост, стащил с колен Ли Сяня и отшвырнул в сторону:

— Нечего держать лису во время еды, ешь свою кашу!

— Что ты злишься на пустом месте?

— Просто терпеть не могу эту вонючую лису!

Ли Сянь беспомощно пожал плечами и положил немного овощей в чашу Ли Синьтяня:

— Ладно, ладно, давай сначала поедим.

Отброшенная лиса жалобно заскулила, пытаясь вернуться к хозяину, но под свирепым взглядом Ли Синьтяня, обещавшим превратить ее в тушеную дичь, покорно забилась в угол.

Чэн Линся переводил взгляд с Ли Сяня на Ли Синьтяня и, наконец, на лису, долго не в силах отвести от нее глаз.

После ужина, по обыкновению, Ли Синьтянь отправился мыть посуду, а Ли Сянь и Чэн Линся уселись в саду под виноградником. Каменный стул был холодным. Подняв голову, они увидели в просвете между листьями холодный диск луны на темном небосводе.

— Линся, я хочу уговорить Синьтяня вернуться с тобой в столицу.

Тишину нарушили слова Ли Сяня. Чэн Линся посмотрел на него и медленно покачал головой:

— Ты же знаешь, он не оставит тебя. Ты так умен, неужели правда не понимаешь его чувств?

— Понимаю. Именно поэтому и хочу, чтобы он ушел, — Ли Сянь помолчал. — Еще в Городе Хуалян я смутно обо всем догадывался. Инсценировал смерть я не только ради того, чтобы сбежать от Чу Иланя, но и чтобы уйти от Синьтяня. Я искренне желал, чтобы вы никогда не находили меня.

— А если бы они не нашли? Что тогда? Прожил бы свою жизнь, словно та луна — изящно, но в полном одиночестве?

В лунном свете глаза Ли Сяня подернулись дымкой:

— Когда я работал поваром в столице, я мечтал жениться на обычной женщине и прожить самую заурядную жизнь. Встреча с Чу Иланем перевернула все мои планы. Я многое пережил, многое осознал, но в итоге вновь обрел себя. Разве это не хорошо?

— Возможно. Но сможешь ли ты забыть его?

Лисичка грациозно вышла из дома и снова запрыгнула Ли Сяню на колени. Он погладил ее, ощущая тепло под ладонью.

— Я счастлив той жизнью, которой живу сейчас.

— Счастлив? Пожалуй. Но это не то счастье, — в голосе Чэн Линся появилась несвойственная ему твердость. — Я не заставляю твоего ученика ехать со мной. Ты всегда строишь из себя сильного, но на самом деле тебе нужно, чтобы кто-то был рядом.

Голос Чэн Линся, обычно по-юношески звонкий, впервые прозвучал так тяжело.

— Брат Ли, знаю, тебе вряд ли захочется это слышать, но даже если ты возненавидишь меня, я скажу: эта лиса — не Чу Илань! Ты же забыл его, зачем обманывать себя этим животным?

Он ожидал, что Ли Сянь разозлится, но тот улыбнулся. Улыбка была такой же мягкой, как всегда, но в ней появилось нечто более глубокое и всеобъемлющее, напоминающее безбрежный океан.

— Древние говорили: пища, одежда, кров и лекарства — вот четыре главные нужды человека. Если их нет — это бедность, если они есть — это богатство. Жажда чего-то большего — значит быть гордецом. Кто скажет, что такой скромной жизни недостаточно?

Чэн Линся захлопал глазами, окончательно запутавшись:

— Ты же знаешь, я не люблю книжную премудрость, к чему ты цитируешь то, чего я не

понимаю? — он надул губы. — Я искренне пекусь о тебе, а ты увиливаешь от ответа.

— Правда? — в его глазах, ярких, как звезды, скрывалась глубокая бездна, в которой отражалась вся мудрость прожитых лет. — Хочешь, чтобы я сказал? Ты ведь давно все знаешь. Да, я любил Чу Иланя, даже зная, что эта любовь обречена. Счастье было коротким, но память остается на всю жизнь. Я помню его, и кроме этого, у меня к нему больше ничего не осталось. Любовь — это счастье от того, что она была. Требовать вечности — значит обрекать себя на страдания.

— Нет! В столице я своими глазами видел, как он тосковал по тебе! Раньше я думал, что ты ненавидишь его за обман, но раз вы любили друг друга, почему ты решил уйти от любимого и жить лишь воспоминаниями?

— А почему ты отказался от любимой женщины?

Разговор о старом, заставил Чэн Линся на миг замолчать:

— Ты об А Сян? Она давно вышла замуж, как я могу искать ее снова?

— Вот она — реальность. Даже так называемая любовь не может преодолеть эту пропасть.

Какова же тогда реальность между тобой и Чу Иланем? — Чэн Линся очень хотел задать этот вопрос, но промолчал. Он знал, что Ли Сянь либо отшутится, либо скажет что-то непонятное. Между ними переплелись слишком серьезные интересы власти, чтобы он мог это осознать. Но еще меньше он понимал, почему два человека, наделенные величайшим умом в Поднебесной, не способны просто принять любовь как таковую. Все стало настолько сложным, что даже его интуиция, которой он так гордился, пасовала перед этой загадкой.

Глядя на довольного Ли Сяня, забавляющегося с лисой, Чэн Линся тихо вздохнул и посмотрел на звездное небо. Письмо уже отправлено, через пару дней Чу Илань будет здесь. Он не знал, принесет ли это счастье Ли Сяню, но понимал: если ничего не менять, Ли Сянь так и останется несчастным, даже если будет считать свое спокойствие счастьем.

Если Чу Илань действительно приедет, что будет с Ли Синьтянем? — Чэн Линся чувствовал тревогу. Любовь всегда была задачей без ответа.

— Брат Ли, ты такой сильный, но порой бываешь до боли труслив. Трон мог изменить тебя — ты бросил его. Чу Илань причинял тебе боль — ты сбежал. Если ты боишься ранить другого и отталкиваешь его, разве сможешь ты обрести счастье? Сколько еще ты собираешься вот так одиноко странствовать?

Ответом ему было лишь молчание звезд.

Ли Синьтянь, закончив с посудой, вышел на крыльцо. Заметив, что Ли Сянь снова обнимает

лису, он, не говоря ни слова, ухватил ее за хвост и отшвырнул. Лисица оскалилась, но Ли Синьтянь пинком прогнал ее прочь.

Лиса жалобно завывала и, нехотя, удалилась. Ли Сянь горько усмехнулся:

— Тебе двадцать лет, а ты все воюешь с животным.

— Сам виноват, зачем завел лису? Она так похожа на одного неприятного типа! — Ли Синьтянь, как всегда, сел вплотную к Ли Сяню. Стоило ему попытаться прильнуть к нему, как его тут же отстранили. Скрипнув зубами, юноша внезапно улыбнулся и крепко обнял Ли Сяня, вложив в это всю свою силу. Ли Сянь, не в силах вырваться, покачал головой. Когда этот мальчишка, который при первой встрече был ему едва по плечо, стал таким плечистым? Внутренняя сила, которую он когда-то передал ему, теперь использовалась против него самого — расточительство, да и только.

Чэн Линся немного посидел и ушел собирать вещи. Ли Сянь молчал, погрузившись в свои мысли. Ли Синьтянь недовольно потряс его за плечо:

— О чем ты замечтался? Только что смеялся и болтал с этим дураком Чэном, а как я пришел — сразу замолчал?

— Думал о тебе.

— Обо мне? Значит, ты скучал? — его брови красиво изогнулись, а глаза превратились в сияющие полумесяцы.

— Не скучал, а думал о твоём будущем, — ведро ледяной воды вылилось на мечты юноши. Видя, как поникли плечи его ученика, Ли Сянь отбросил шутливый тон и серьезно спросил: — Синьтянь, ты правда не поедешь с Линся в столицу?

— Не поеду, не поеду! Ни за что! — Ли Синьтянь замахал руками, словно капризный ребенок.

— Ты решил навсегда остаться со мной?

Глаза юноши засияли, он закивал как заведенный.

— Ты сам решаешь, как распорядиться своей жизнью, и я не могу запретить тебе отказаться от блестящей карьеры. Но раз ты хочешь быть со мной, я должен сказать тебе прямо, — голос Ли Сяня стал суровым. Синьтянь перестал кивать и в смятении уставился на него.

— Синьтянь, я понимаю, что у тебя на уме. Но то, чего ты хочешь, я дать тебе не могу. Ты все еще хочешь идти со мной?

Твердость его слов не оставляла лазеек. Ли Синьтянь замер. Внезапно до него дошло: его детский лепет учитель понимал прекрасно, он просто притворялся. В глазах Ли Сяня он был лишь учеником, младшим, существом, которое нужно защищать ценой жизни, но никак не тем, кого можно любить.

Ли Сянь высказался предельно откровенно. Ли Синьтянь распахнул глаза, на них навернулись слезы, затуманив зрение. В носу защипало, и крупные капли покатались по щекам.

Ли Сянь не стал вытирать их и не предложил утешения, его взгляд, словно факел, был прикован к лицу юноши. Ласки и слезы могли смягчить его сердце, но только не сейчас!

<http://bllate.org/book/21139/2144077>